

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.38085/2308829X-2020-2-45-52

УДК 316.7

Грищенко Ж.М.,

Сиверцев Ю.Г.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО КОДА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Грищенко Жанна Михайловна, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, (Минск, Беларусь). E-mail: Zhanna0607@mail.ru

Сиверцев Ю.Г., Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь). E-mail: Sivert@bsu.by

Аннотация. Авторская идея сфокусирована на актуальности проблемы перекодировки культурного кода нации и поиске достаточных оснований для ее социологического обоснования. На примере постсоветского поколения студенческой молодежи прослеживается отход от традиций преемственности поколений и отчуждение генерации Z от базисных ценностей духовно-нравственной культуры общества.

Ключевые слова: Культурный код, ментальные трассы, генерация Z, перекодировка культуры нации, раскол преемственности поколений, смысловые паттерны поведения.

THE PROBLEM OF THE CULTURAL CODE IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION

Zhanna M. Grischenko, PhD (Philosophy), associate Professor, Belarusian state University. E-mail: Zhanna0607@mail.ru

Sivertzev U.G., Belarusian State University, (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Sivert@bsu.by

Abstract. The author's idea focuses on the relevance of the problem of recoding the cultural code of the nation and the search for sufficient grounds for its sociological justification. By the example of the post-Soviet generation of student youth, one can see a departure from the traditions of the continuity of generations and the alienation of the generation of Z from the basic values of the spiritual and moral culture of society.

Keywords: cultural code, mental tracks, generation Z, recoding of the culture of a nation, split in the succession of generations, semantic patterns of behavior.

Цитирование: Грищенко Ж.М., Сиверцев Ю.Г. Проблема культурного кода в социологическом измерении // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 45-52

В обозримом спектре отечественной социологии проблема культурного кода никогда не формулиро-

валась в радикальной тональности: правомерно ли ассоциировать происходящие вокруг нас явления духов-

ной жизни современного общества с тенденциями, сигнализирующими о началах процесса перекодировки культуры нации в целом? Между тем в русле происходящих на наших глазах духовно-нравственных практик именно социологии в идеале предназначена функция обоснованного социального прогнозирования, предвосхищающего характер и направленность наблюдаемых преобразований и их последствий для общества. Справедливости ради надо признать, что на деле социология далеко не всегда с этим справлялась. Ставшие классикой примеры отсутствующего и должного социологического проектирования хода и последствий очередной социальной революции, названной «перестройкой», несостоятельность в предвидении крушения СССР и многих других прямых и косвенных последствий этих драматических страниц отечественной истории, легли позором на все отечественное обществоведение и, в первую очередь, – на социологию, не оправдавшую своей главной миссии – «Быть, чтобы предвидеть!»

Включенность современной отечественной социологии в глобальное научное пространство обогащает информационно-познавательный багаж науки, как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах и тем самым создает предпосылки расширения возможностей для обоснованных критических рефлексий и горизонтов научного предвидения. Однако, ощутимых подвижек в обозначенном контексте не видно до сих пор. Может, дает о себе знать известный парадокс любого познавательного прогресса, сформулированный еще Сократом, – «Как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем»? Но только ли этот парадоксальный

эффект усиливающихся сомнений по мере расширяющихся горизонтов знания, обуславливает бросающуюся в глаза недееспособность социологии на пути усиления продуктивности своей прогнозной функции?_

В этой связи обращает на себя внимание, например, очевидная деликатность представителей отечественной социологии в оценках распространяющихся повсеместно духовно-нравственных практик, привнесенных в нашу жизнь постсоветской генерацией молодежи. Сегодня даже на визуальном уровне очевидным становится то, что мы не просто находимся у истоков формирования нового типа личности, но сами являемся частью культурного симбиоза, который сложился под влиянием неконтролируемых последствий глобальных и локальных трансформаций современного мира и ознаменовался полным отчуждением между поколениями. В этой связи не может остаться без внимания оценка происходящих в обществе перемен, связанных с выходом в самостоятельную жизнь миллениалов, российского автора А. Радаева, достаточно смело заявившего о факте социального перелома [1].

Речь не идет о естественном разногласии между «родителями» и «детьми» в рамках закономерного межпоколенческого взаимодействия, где каждое последующее поколение вносит инновационные изменения и коррекции в культуру общества, не затрагивая при этом его базовый или традиционный фундамент. Сегодня проблема видится глубже и острее. Речь должна идти о последствиях формирования специфического культурологического архетипа, масштабность и качественная определенность которого продолжительный период времени находились в

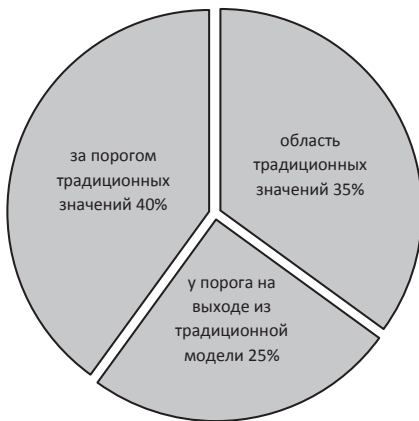
зоне социальной трансцендентности. И только сегодня мы воочию столкнулись с радикальностью последствий тотальной аномии в обществе, подорвавшей фундамент мироздания, отторгнув саму идею преемственности поколений. Растянувшись более, чем на четверть века, деидеологизация современного общества фактически приобрела характер целенаправленной институционализации «новых» правил игры в широком социокультурном пространстве. Процесс, сопровождавшийся системной переоценкой страниц отечественной истории и опыта жизни предшествующих поколений, имел своим закономерным следствием повсеместно торжествующие настроения нигилизма и цинизма. В первую очередь, – в молодежной среде, обстоятельства социализации которой в условиях отсутствующих нормативно-ценностных ориентиров, в вакууме идеалов, целей, смыслов существования привели к «аномической деморализации» целого поколения. Надо признать, вместе с тем, что обширная армия отечественных обществоведов, окрыленных новыми идеями революционных преобразований в стране, с удивительной легкостью переключилась с принципов конформизма прошлой эпохи на неконформизм в настоящем в оценках исторического прошлого, далекого и не очень. Все это сильно затормозило приближение массового прозрения в том, что «недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине» [2, С. 31].

Истина оказалась запоздалой и удручающей хотя бы в том, что все перечисленные здесь тенденции нашей локальной современной отечественной истории породили прецедент дискредитации и отсутствую-

щего авторитета старшего поколения «отцов – неудачников», непосредственное общение с которым как раз и призвано к воспроизводству социального механизма передачи опыта и исторической памяти предшествующих поколений. Как следствие, мы столкнулись с принципиально новым цивилизационным генотипом – постсоветской генерацией. Он оказался чуждым отечественным традициям нормативно-ценностного базиса духовной культуры, которая постепенно вытесняется вполне осознанным предпочтением миллениалами индивидуалистической модели самореализации по опыту западных стран с опережающей модернизацией. В основе этой заимствованной модели лежит откровенный прагматизм, сопряженный с эгоистическим смысловым мейнстримом, ориентированным на достижение персонализированной программы жизненного успеха любой ценой. На примере современной студенческой аудитории Белгосуниверситета мы можем прогнозировать, что в рамках базовой для нашего общества духовной культуры остаются около 1/3 (35%) современной студенческой молодежи, 40% в своих ценностных установках не имеют ничего общего с традиционной культурой, а 25% уже перешагнули традиционный пограничный рубеж, обнаружив на эмоционально-когнитивном уровне фиксированную установку к действию в направлении, негетерогенном традициям отечественной культуры (см. диаграмму 1) [3]

Таким образом, выход за пределы нормативной базовой культуры подавляющей части современной студенческой молодежи детерминирован эмоциональной и психологической привлекательностью западных образцов с точки зрения их инстру-

ментальной ценности в конструировании собственного блага, чему в решающей степени способствует окружающая социальная среда. Отмеченные тенденции, собственно, и дают основания для формирования гипотезы относительно инспирированного постсоветским поколением молодежи процесса перекодировки отечественной культуры. Очевидную осторожность современной социологии в попытках обоснования подобного социального сценария можно понять и даже оправдать целым рядом причин.

Диаграмма 1. Количественное соотношение между гомогенными и негомогенными отечественной культуре ценностями с точки зрения вкладываемых в них смыслов

С одной стороны, формирование любого типа духовной (и не только) культуры – процесс длительный, временные рамки которого простираются минимум на 100 лет, предполагая смену нескольких поколений. Параллельно данный процесс сопряжен с сопутствующей ему институционализацией устойчивых характеристик нового типа культуры и, как следствие, – ее легитимацией и легитимизацией. Как раз факт пролонгированных временных рамок обо-

значенного процесса и формирует аргумент логической преждевременности обозначенных выводов, тем более, – с заявкой на их революционный пафос. Следует, однако, заметить, что новый культурологический архетип поколения отечественных миллениалов отмечен специфическими типологическими особенностями детей социальной аномии. Последняя стала определяющим условием их социализации на протяжении практически четверти века. Срок не малый, во всяком случае, – для адекватной оценки формирующихся у постсоветского поколения молодежи ментальных трасс, которые в самой ближайшей перспективе смогут претендовать на «типологическое ядро социокультурного генома современной цивилизации» [4, 9].

В отличие от своих западных и заокеанских сверстников, отечественное поколение Z гораздо в меньшей степени было подвержено революционному воздействию со стороны технологического прогресса. Напротив, оно пережило его как естественное состояние для общества с догоняющей модернизацией и уже в младшем школьном возрасте безболезненно и уверенно вошло в мир цифровых технологий. Несравнимо более травмирующим эффектом для отечественного поколения цифровых технологий стали обстоятельства растянувшейся на десятилетия тотальной социальной аномии, последовавшей за демократической риторикой, которая создала реальные предпосылки для усвоения идеалов свободы, безотносительно к лимитирующим ее рамкам осознанной необходимости. Немаловажную роль в специфике социализации постсоветского поколения молодежи сыграли сопутствующие ходу перестройки факторы, большинство из ко-

торых несет на себе печать локальных культурологических особенностей характера отечественных трансформаций: утрата традиционной роли института семьи, непосредственно принявшего на себя все тяготы спонтанных социальных реконструкций, длительное реформирование системы образования с утверждающими себя принципами массовой доступности, излишней формализации, коммерциализации и дегуманитаризации, очевидное ослабление воспитательной роли религиозных институтов, озабоченных усилением своего приближенного к официальной власти статуса более, чем заботой о духовном возрождении подрастающего поколения, бесконтрольность современных СМИ и др.

Дети социальной аномии в «чистом виде», рождение и социализация которых проходили вне опыта социализма и вне его категорических императивов, в том числе идеологических, кто не испытал на себе «эффекта» социальной травмы, так как родились и выросли уже в объективно сложившейся ситуации травмированного общества – следствии непродуманных общественных реконструкций, представляют собой наглядный образец своеобразного культурологического архетипа. Как объект социологического исследования это вступающее в самостоятельную жизнь молодое поколение миллениалов бросает вызов обществу, а параллельно – и науке об обществе, призванной этот прогрессирующий хаос социальной системы как то осмыслить и концептуально организовать, несмотря на оптимистические заверения авторитетных методологов относительно перспектив его самоорганизации. Тем более, что именно социология призвана ответить на вопрос, куда же эта самоор-

ганизирующаяся реальность движется? Какой вектор ее саморазвития уже сегодня и сейчас берет верх и задает конкретные параметры направленности этого движения в будущем? И правомерен ли прогноз о началах перекодировки духовно-нравственной культуры в целом?

И вот здесь, с другой стороны, перед социологией встает следующая проблема, связанная с отсутствием эмпирической базы данных, – достаточной для подобного рода радикальных культурологических прогнозов. Наряду с этим процесс социологического прогнозирования лимитирован несовершенством социологических методов, ограниченных порогом инструментальной чувствительности к улавливанию глубинных процессов в актуальной конфигурации ментальных трасс представителей вступающего в самостоятельную жизнь поколения цифровых технологий. К сожалению, исчерпанность социологического поля преимущественно анкетными опросами уводит практический результат в сферу ценностных значений, а не тех смыслов, которые вкладывает в них современная молодежь и которые транслируют единицы передачи культурного наследия. Исследовательский опыт свидетельствует, что между двумя этими эмпирически верифицированными параметрами – значением и смыслом, – бездна противоречий и прямого несоответствия. Более того, если тенденция в выборе приоритетности конкретных ценностных значений является следствием когнитивного эффекта, то мотивационная сфера повседневности, как правило, дополняется широкой палитрой иррациональных паттернов поведения. Вот почему многочисленные анкетные опросы молодежного сегмента

и его ценностей, ограниченные рамками преимущественно политизированного подхода, даже в случае регистрации инновационных инвариантов ментальности поколения Z, ограничиваются поиском эмпирически выверенного соотношения между новым и старым, склоняясь, как правило, к выводу об устойчивости традиций базовой культуры. Смысловые запечатления (импринтинги) поведения современной молодежи остаются, к сожалению, за кадром исследовательского интереса. Справедливости ради надо признать, что последнее десятилетие научные поиски все более интенсивно фокусируют свой исследовательский интерес на смысловой составляющей повседневных предпочтений и паттернов поведения молодежного сегмента, в том числе и российскими авторами [5].

Использованный нами в качестве эксперимента метод тестирования представлял набором произвольно представленных для оценки студенческой аудитории суждений, эмпирически верифицированных с позиции своей смысловой гомогенности четырем доминирующим в студенческой среде ценностям – самореализация, учеба, семья, любовь (дружба). Объектом эмпирической параметризации стали 500 студентов Белгосуниверситета (1998–2002 годов рождения), отобранных с различных факультетов по принципу сохранения целостности студенческой группы, что способствовало репрезентации всех представленных в группе статусных диспозиций: по успеваемости и активности, формальному и неформальному лидерству, происхождению, финансовому обеспечению, возрасту, полу и др. Несмотря на количественную определенность метода тестирования, факт сопряжен-

ности в едином эмпирическом поле комплекса устойчивых для современного поколения студентов смысловых импринтингов позволил уловить тенденции как внутр поколенческих, так и межпоколенческих принципиальных разногласий в прочтении и оценке традиционной ценностной модели. А последующая дополненность результатов тестирования данными качественных методов (эссе, нарратив, глубинное интервью) обогатили смысловую палитру ценностных значений, объективировав бездну несопадений между ними.

Углубление исследовательского поиска в заданном направлении позволяет уловить набор смысловых импринтингов, которые уже сегодня не только определяют содержание формирующихся ментальных трасс, но и позволяют вычлениить смысловые блоки передачи и перекодировки культурных традиций. Например, по данным белорусского поля признание ценности семьи (уровень значений) сопряжено с ее восприятием как угрозы (риска) для личностной автономии и свободы самореализации (уровень смыслов). Фактически для большинства – 70% это смысловое запечатление ценности семьи смещено в сторону нетрадиционных семейно-брачных отношений, где приоритетные позиции занимает партнерский (сожителство) брак без взаимной материальной и моральной ответственности и соответствующих обязательств, без принятия функций деторождения и воспитания как сущностных, из них 25% – вообще отрицающих необходимость деторождения. Зафиксированная в ходе нашего исследования эмпирическая модель семейно-брачных отношений со всей очевидностью уже вытеснила традиционную модель, гомогенную

православной культуре. Данный факт позволяет нам сегодня строить гипотезу о начале конца традиционного института семьи. Аналогично принципиально модифицировано отношение к учебе и сопряженных с ней ценностей. Подавляющая часть из протестированных нами белорусских миллениалов – 80% не мотивированы учебным процессом, безразличны к избранной профессии и дальнейшей работе, а четверть из них – 27% не скрывают своей утилитарной мотивированности исключительно формальным получением диплома о высшем образовании. Большой логической несогласованностью с традиционной нормативной ценностной моделью отмечается также ценность патриотизма в ее понимании и интерпретации поколением белорусских миллениалов.

Ориентированные на личностную программу индивидуальной самореализации и достижение жизненного успеха, около 80% студенческой аудитории сегодня обнаруживают фиксированную установку на выезд за рубеж для продолжения образования и работы. Явление космополитизма, сформированное под натиском рационализирующегося прагматизма и поиска лучшей доли, становится всеохватывающим, размывая объектную область патриотизма и расширяя ее до масштабов глобализирующегося мировоззрения «Я-человек мира». Локальные горизонты патриотических чувств, сфокусированные на стране, где родился и вырос, несут все более выраженный формальный характер как дань генетической памяти. Несмотря на формальное признание важности национального языка как средства национальной идентификации и утверждения национальной культуры, около 90% выступают против его целенаправленного распро-

странения со ссылкой на крайне низкий уровень его коммуникационной функциональности в глобальном контексте и, как следствие, – отсутствие инструментального значения. Дети социальной аномии индифферентны к политике. Более того, считают перманентно возникающие вопросы о национальном самосознании, национальной культуре и языке излишне политизированными в интересах локальных политических элит -властвующих и оппозиционных, и представляющих зону риска для успешной реализации личной программы достижения жизненного успеха.

Культурно-исторический контекст восприятия проблемы позволяет увидеть в современной деполитизированности молодого поколения нечто большее, связанное со смещением спектра восприятия мира и его акцентом на индивидуалистической модели самоопределения. Политика уходит на периферию сознания уже потому, что не имеет ничего общего с автономной персонализированной моделью активности личности в приоритетных для нее областях -защита животных, помощь малообеспеченным слоям населения, обеспечение безопасности массовых мероприятий, экологическое движение и др. Все перечисленные виды волонтерской активности приобрели в последнее время в Беларуси мощный заряд выраженной мотивированности участия, отмечены навыками самоорганизации, творческой самостоятельности и в этом смысле далеки от традиционного нормативного образца политической активности и участия, транслируемых идеологией социализма. Параллельно обращает на себя внимание неоднозначность тенденций в современной студенческой среде относительно политического участия.

По результатам проведенного исследования около 20 процентов миллениалов студенческой аудитории обнаруживают повышенный интерес к власти как эффективному средству реализации успешного жизненного проекта. Этот перечень реально осязаемых противоречий в сравнительном сопоставлении моделей духовно-нравственной культуры между прошлыми и вступающими в самостоятельную жизнь поколениями миллениалов, можно продолжить. Мы далеки от выводов относительно деградации молодого поколения, тем более, от заявок

его восприятия как закономерного следствия антропологической контрреволюции. Мы лишь акцентируем внимание на том, что в их лице имеем дело с принципиально новой качественной определенностью отечественной культуры, абстрагироваться от которой с каждым днем становится все более сложно и безответственно. Тем более, что именно непосредственное столкновение с обозначенным сегментом в поле исследовательской практики позволило оживить в памяти идею Р. Мертонна об «организованном скептицизме» как факторе развития науки.

Библиографический список

1. Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. Изд. дом Высшей школы экономики, 2019, 224.
2. Бурдые П. Социология политики: пер.с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко /-М.: Socio –Logos,1993.-336 с.
3. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры. – Журнал БГУ. – Социология. №1. – 2017. – С. 109–118.
4. Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ Социология, № 3, 2017, С. 6–13.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве Российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 4, № 3, 2018.; Великая Н.М., Дорошина А.В. Жизненные стратегии Российской молодежи в контексте реализации современной молодежной политики // Молодежь. Семья. Общество. М., 2019.